

Камила Левитан

ИЗМЕНА МУЖА.
Сладкая ловушка
ДЛЯ ЖЕНЫ!

Камила Левитан

**Измена мужа. Сладкая
ловушка для жены!**

«Автор»

2026

Левитан К.

Измена мужа. Сладкая ловушка для жены! / К. Левитан —
«Автор», 2026

На годовщину свадьбы муж угостил меня пирожным, приготовленным его молодой любовницей. Я очнулась в больнице. А Артур уже подготовил документы на развод и передачу моей доли в кофейной империи! Он уверял, что я сама виновата в отравлении. Подсунул поддельные фотографии моей измены и пригрозил отправить в психиатрическую клинику, если не подпишу бумаги. Но кое-что предатель не учёл. В кармане моего платья сохранилась салфетка с остатками того самого пирожного! Теперь у меня есть улика, опасный союзник и желание вернуть всё, что он украл. Ты хотел уничтожить меня, дорогой? Тогда приготовься узнать, на что способна женщина, которой больше нечего терять!

© Левитан К., 2026

© Автор, 2026

Камила Левитан

Измена мужа. Сладкая ловушка для жены!

Измена мужа. Сладкая ловушка для жены!

Камила Левитан

Глава 1

По случаю годовщины я заглушила рабочие чаты. Дважды проверила — правда ли заглушила? — и убрала телефон подальше от бокала. Артур сердился, когда за ужином звонили из кофейни. В тёмном кухонном окне отражалось моё платье: три часа выбирала, примеряла, фотографировала себя в зеркале. В тридцать два уже можно было научиться одеваться без страха, понравится ли мужу. Семь лет вместе, а я всё ещё ловила его взгляд, прежде чем повернуться боком. Свекровь смотрела туда же. Про внуков перестала спрашивать, только вздыхала, разглядывая мой живот. И ведь каждый раз после её визита я разглядывала его сама.

— Ева, опять анализируешь? — Артур подошёл сзади. Ладони легли на голые плечи, и я сразу выпрямилась. — Мы договорились, да? Ни рабочих чатов, ни выручки за квартал. Сегодня только мы.

Я повернула телефон экраном вниз, хотя смотреть там было нечего. Он заметил. Конечно, заметил: у него под ладонью дёрнулось моё плечо. — Да это... Барсик опять резинку стащил, — выпалила я. Кот сидел у холодильника, смотрел на нас и мурчал: кормить пора, а хозяйева заняты ерундой. Резинка у меня была в сумочке. Врать можно было и получше. — Барсик заслуживает лучшего. И ты тоже. — Улыбнулся Артур, а руки с плеч не убрал. Такая улыбка могла означать что угодно, вплоть до «вечером поговорим». — Садись. Сюрприз покажу.

На столе меня ждало пирожное. Артур достал для него тарелку ручной работы — я боялась ставить её даже в посудомойку. «Наполеон» в наших кофейнях был ниже; этот опасно накренился под карамелью. Красиво, конечно. Но как такую конструкцию донести до посетителя, не опрокинув? Я наклонилась понюхать. Миндаль. И ещё какая-то пряность, которую сразу не разобрала. — Вероника испекла. Лучший наш кондитер. — Он налил мне воды и придвинул стакан. — Она учла: миндаль ты любишь, а лишний сахар — нет. Баланс. Как у нас с тобой.

Вот как. Вероника учла. Артуру и в голову не пришло спросить, успела ли я сегодня пообедать, зато рецепт он помнил наизусть. Я подтянула тарелку и взяла вилку. Не ссориться же на годовщину из-за чужого пирожного. Вилка проломила верхнюю корочку; крем оказался действительно нежным. А потом на корне языка осталась горечь, и весь этот замечательный миндаль захотелось запить. — Не нравится? — Артур смотрел, как я жую. Вилку я уже положила, но он продолжал ждать. — Миндаль, наверное, горчит, — пробормотала я, проглотив кусок. В животе болезненно забурлило. Я промокнула губы салфеткой и, не найдя, куда её положить, сунула в карман платья. — Съешь ещё. Это особенный рецепт, он раскрывается только со вторым куском. Доверься мне, Ева. Я же знаю тебя лучше всех.

Снова захотелось пить, хотя я только что глотнула воды. Горловина платья давила; я провела пальцем под тканью и нащупала мокрую кожу. Надо написать подруге. Спросить, бывает ли от сладкого такая тошнота. Но едва я потянулась к телефону, Артур взял меня за запястье. — Цифровой детокс, помнишь? Никаких телефонов. Мы одни. Посмотри на меня. Он вынул телефон из-под моей ладони и сунул в карман халата. Я следила за аппаратом, а он всё требовал, чтобы я смотрела на него. Дайте мне хотя бы набрать номер. Почему я вообще должна об этом просить? — Артур, мне плохо, — сказала я, и голос дрогнул. Кончики пальцев онемели.

— Это просто реакция на стресс, — он погладил меня по щеке. Прикосновение было тяжелым, липким. — Ляг. Сейчас всё пройдёт.

Я отодвинула стул. Нужно было встать, дойти до дивана, сделать хоть что-нибудь, а колени подломились. Ухватилась за стол, промахнулась мимо края. На секунду увидела пол очень близко и попыталась позвать Артура. — Помощь... — шептала я, но слова превратились в невнятное бормотание. Он стоял рядом. Достаточно близко, чтобы подхватить, но только смотрел. Я задела виском столешницу; стул громыхнул где-то сбоку. Остального не помню.

Я долго смотрела в потолок, прежде чем смогла повернуть голову. Потолок был белый, чужой; над ним или за ним гудело. Во рту вкус крови. Я облизала губу — больно. Потом увидела капельницу и крошечный пузырёк в трубке. Пузырёк стоял на месте, сколько я ни смотрела. Значит, больница. Попробовала двинуть руку, но трубка натянулась, и я испугалась, что выдерну её. Вечер годовщины... Артур... пирожное... Дальше провал. Сколько я здесь лежу? Кто вызвал скорую? Вспоминать не получалось, а позвать кого-нибудь было страшно: вдруг снова войдёт он.

Вошедшую девушку я сначала увидела за букетом. Белые розы закрывали её до подбородка. Она опустила цветы, и я разглядела локоны, подведённые глаза, блестящие губы. Молодая, лет двадцати четырёх. У меня, наверное, кровь на губе и спутавшиеся волосы. Захотелось спрятать лицо, хотя я понятия не имела, кто она. — Проснулась! Как же я переживала, Ева. Она знала моё имя. Я перебирала в голове сотрудниц и подруг, но никого похожего вспомнить не могла. — Кто вы? — хрипло спросила я. Женщина поставила цветы на тумбочку и присела на край кровати. Матрас прогнулся под ней. Я попыталась отодвинуться и задела трубку капельницы. — Вероника. Кондитер Артура. Он очень просил навещать тебя. Говорит, ты сейчас слишком слаба, чтобы видеть его самого. Ему нужно время... разобраться с документами, пока ты отдыхаешь. Документами? Что за документы? Вероника достала из сумочки телефон и повернула экран к моему лицу. На фото был Артур. Он обнимал Веронику за талию, его голова склонена к её плечу, губы почти касаются её кожи. Фон — наш ресторан, «Кофеин», тот самый уголок, где мы целовались на первом свидании. — Скучал по тебе, пока ты была в коме, — сказала Вероника. На фотографии её пальцы лежали у него на груди; свободной рукой она придерживала экран, чтобы мне лучше было видно. — Мы вместе выбирали этот букет. Он сказал, что белые розы — символ чистоты. Хотя между нами давно нет чистоты, правда?

Она сидела так близко, что оттолкнуть телефон можно было одним движением. Я попробовала поднять руку — не поднялась. Только простыню удалось скомкать. Мы с Артуром целовались в том углу ресторана. Теперь там целуют её. Она ждала, разглядывая моё лицо, и я наконец смогла ответить. — Уходи, — прохрипела я. Вероника усмехнулась, убирая телефон. — Ты не можешь его выгнать, милая. Ты теперь ничего не можешь. Даже думать нормально. Врач сказал, последствия отравления будут долго. Амнезия, слабость... Артур говорит, что ты сама виновата. Стрессы, переутомление. Он так заботится о твоём здоровье, что готов взять управление бизнесом на себя, пока ты не восстановишься. Или навсегда.

Дверь снова открылась. В палату вошёл Артур. У него были круги под глазами, но ворот рубашки оставался белоснежным. Костюм он успел сменить. Неужели ездил домой, пока я здесь лежала? Он нахмурился, увидев меня, и тут же бросил быстрый взгляд на Веронику. Она спокойно поправила розы в вазе. — Ева, родная, — он подошёл и взял мою руку. Его пальцы были холодными. — Слава богу, ты очнулась. Тебя выписывать рано, врачи говорят, нужен полный покой. — Артур... — я попыталась произнести имя Вероники, обвинить его, спросить про фото, но язык заплетался. Слова выходили невнятными звуками. — Тише, тише, — он погладил меня по голове, как ребёнка. — Не напрягайся. Я уже оформил все бумаги. Развод по взаимному согласию, с условием сохранения доли в холдинге за мной, «ради стабильности компании». Ты подпишешь, когда придёшь в себя. Пока отдыхай.

Он ждал ответа. Я едва могла произнести его имя, а он уже подготовил бумаги на мою долю. Прижал к матрасу мою руку и гладил её большим пальцем, будто это что-то меняло. Артур вышел, а Вероника задержалась у двери. Посмотрела на розы, потом на меня. Я отвернулась к стене раньше, чем она ушла.

Сколько раз за ночь я просыпалась, не знаю. Пыталась вспомнить номер подруги, считала цифры, засыпала на середине. Потом захотелось пить так сильно, что пришлось открыть глаза и поискать стакан. Потянулась к стакану с водой на тумбочке и случайно задела карман своего платья, которое висело на спинке стула рядом с больничным халатом. В кармане что-то хрустнуло. Я вытащила скомканную салфетку. На ней остались крошки того самого пирожного. Маленькие, засохшие комочки теста. Я вспомнила, как промокнула ею губы, и придвинула её к свету. Я поднесла салфетку к носу. Запах миндаля был прежним. Но под ним чувствовалось что-то другое. Резкое, горькое. От него снова свело желудок. Я не знала, что это за вещество, и даже не была уверена, что различаю запахи после лекарств. Моя рука затряслась. Выбрасывать салфетку нельзя. Пока от ужина осталась только она; тарелку Артур наверняка уже вымыл. Я вспомнила слова Вероники: «Готов взять управление бизнесом на себя». До ужина Артур ни разу не предлагал мне отойти от дел. А теперь торопился, пока я не могу даже сесть. Боль пронзила виски. Я попыталась сесть, но тело не слушалось. Дверь палаты открылась без стука. Медсестра вошла с подносом. — Время вечерней инъекции, Ева, — она поставила поднос на тумбочку, отодвинув им вазу с розами. — Подождите, — я попыталась крикнуть, но из горла вырвался только сиплый шёпот. — Мне нужно... нужно сказать врачу... Салфетку я успела спрятать обратно. Медсестра ввела препарат в катетер. Холодная волна побежала по вене. Мир снова начал уплывать. Крошка пирожного выпала из моих ослабевших пальцев на пол. Я ещё слышала, как медсестра собирает поднос. Надо сказать ей про бумаги. Он уже приготовил бумаги на мою долю, пока я лежала без сознания. Если не проснусь в следующий раз, подписывать будет некому. А ему даже это окажется удобно.

Глава 2

Сразу после выписки Артур вызвал меня в офис. Неделью назад я ела пирожное, а теперь должна ехать подписывать развод. В кабинете потянуло духами Вероники, и я первым делом закрутила крышку своей бутылки потуже. Артуру когда-то покупала «Аква» — ходила выбирать, нюхала полоски до головной боли. От его стола раньше пахло ими и кофе. Сегодня кофе даже не предложили.

Он ждал за ореховым столом, сцепив пальцы перед собой. Для подписи всё приготовил: ручка лежала со снятым колпачком, папка — на моей стороне стола. Я села без приглашения. Стоять дальше не могла.

— Завершим формальности, Ева. — Он подвинул папку мне под руки. — По взаимному согласию. Быстро, тихо. Без суда.

Открывая папку, я провела большим пальцем по краю листа. Порезало. Только этого не хватало — испачкать его драгоценные бумаги и слушать ещё про неуклюжесть. Я прижала палец к платку.

— Что это? — спросила я хрипло. Голос после больницы все еще был чужим, севшим.

— Доказательства. Твои доказательства вины, — он кивнул на верхнюю страницу.

Под первым листом оказалась фотография. Мужчина обнимал меня за талию, я запрокинула голову и приоткрыла рот. Его лицо смазалось, а моё было видно хорошо. За спиной светилась вывеска клуба: я не заходила туда десять лет. Я перевернула снимок, словно с другой стороны могли написать объяснение. Ничего.

Я придержалась за подлокотник. От этого снимка тошнило, но смотреть ещё раз всё равно пришлось: Артур положил его поверх папки.

— Это ложь, — прошептала я, чувствуя, как леденеют кончики ушей. — Я не была в клубе. Я была дома. Ты сам привез меня домой!

— Была? — Артур усмехнулся уголками рта. — Или ты забыла? Память после отравления бывает капризной, дорогая.

Палец Артура прижимал угол снимка. Неделию назад он так же прижимал подушку у моего плеча и велел лежать спокойно. Я смотрела на этот палец, чтобы не смотреть в лицо мужу. Лучше не надо. Не выдержу.

Вероника вошла без стука, с водой и салфеткой. Белый топ, джинсы, волосы кое-как заколоты. По-домашнему. Здесь, в его кабинете, она чувствовала себя настолько дома, что я на мгновение растерялась: может, пришла не вовремя? Потом разозлилась на себя за эту мысль.

— Волноваться тебе нельзя, Ева. — Ставя воду, она коснулась моего локтя. Я убрала руку; порезанный палец снова зацепало. — Артур сказал, что тебе стало хуже после капельниц. Помнишь те таблетки, которые ты принимала перед тем, как... ну, ты знаешь, перед тем, как мы нашли тебя там?

«Там». Она уже перенесла меня с нашей кухни в клуб и ждала, что я начну вспоминать место, в котором не была.

— Какие таблетки? — я подняла глаза на Веронику.

— Седативные. Для сна. Чтобы снять стресс от работы над меню. Ты сама просила их у Артура, помнишь? А потом... ой. Слишком много. И память стерлась.

К воде я не прикоснулась. Артур молчал, позволяя ей рассказывать про таблетки. Ни разу не поправил, хотя сидел напротив меня весь тот ужин.

— Вы убедили меня, что я спятила, — сказала я, глядя на Артура.

— Мы убедили тебя в реальности, — поправил он. Он достал телефон и включил запись.

На экране появилось видео. Звук был плохим, но картинка четкой. На ней я сижу в том самом ночном клубе. Я смеюсь, обнимаю незнакомца за шею. Мой взгляд мутный, затуманенный алкоголем или наркотиками. На видео отчетливо слышен мой голос: «Не останавливайся...»

Я закрыла рот рукой. Это не могло быть правдой. Я не помнила ни этого мужчины, ни этой музыки. Переслушивать собственный голос было страшнее, чем смотреть фотографию.

— Дипфейк? — выдохнула я.

— Высокое качество монтажа, если хочешь так думать, — Артур убрал телефон. — Но судья посмотрит на это иначе. Инвесторы тоже. У нас репутационные риски, Ева. Холдинг не может позволить себе скандал с совладелицей, которая изменяет мужу и травится в ночных заведениях.

Он открыл папку дальше. Я увидела пункты соглашения. «Передача доли в размере 49% компании „Кофе & Мечта“ в пользу супруга для возмещения морального ущерба». «Отказ от претензий на имущество». «Конфиденциальность».

Это был рейдерский захват. Под маской заботливого мужа и сломленной жены.

— Если ты не подпишешь сегодня, я выложу эти фото в соцсети. И отправлю копии твоим партнерам по сети кофеен. Представь, что скажут клиенты. Что скажет твой отец, который вложил душу в бренд, — Артур говорил спокойно. При упоминании отца я перестала теревать платок. Артур заметил это и придвинул ручку.

Сорок девять процентов. Десять лет работы помещались в одну строку, а рядом стояло пустое место для моей подписи.

Я смотрела на ручку, лежавшую на столе. Черная, тяжелая, дорогая. Ручка Parker. Моя любимая. Та, которую он подарил мне на годовщину. На корпусе осталась маленькая вмятина: я уронила её на плитку в первой кофейне. Он даже ручку взял мою.

Я сжала руки между коленями. Врач говорил: спать, есть вовремя, отдыхать. Утром я не поела, ночью почти не спала, а теперь сидела перед Артуром и старалась не упасть со стула. Отдала бы многое за возможность выйти. Но не всё, что он перечислил в соглашении.

— Может, сделаем компромисс? — вдруг предложил Артур. Он смягчил тон, почти нежно. — Оставь имя основателя на вывесках первой кофейни. Пусть люди помнят, что это твоя идея. Но бизнес должен быть чистым. Без пятен. Подпиши, и я сохраню твою легенду. Ты останешься в истории, но уйдешь из управления.

Вернуться домой, лечь под одеяло, выключить телефон. Я уже видела, как лежу, и никто не входит с папкой. Если подпишу, они действительно оставят меня в покое? Я посмотрела на Веронику. Она стояла у двери, перекрыв её плечом.

Снимок опять лежал сверху. Я повернула его к окну: на запястье мужчины виднелись часы. «Rolex Submariner», старые, с исцарапанным стеклом. Знакомые часы. Слишком знакомые, чтобы отложить фотографию.

На стекле шла длинная царапина. Такие часы были у моего бывшего стажёра Димы. Он однажды принёс их в кофейню и спросил, знаю ли я хорошую мастерскую.

Но главное — татуировка. На плече незнакомца виднелась маленькая черная точка, похожая на родинку. Я знала этого человека. Это был мой бывший стажер, Дима. У него не было родимых пятен. У него был шрам на плече от ожога сковородой. На снимке этого шрама не было.

А на руке «меня» на фото... Часы. Я никогда не носила часы на левой руке. Я левша, но привычка носить украшения справа осталась со времен школы. На фото же часы были слева.

Я положила снимок на стол, чтобы пальцы перестали его трясти. Теперь хотелось рассмотреть всё — манжет, застёжку часов, поворот кисти.

Артур постучал пальцем по ручке. Что, уже засиделась? Я положила снимок рядом и подняла глаза.

— Артур, — начала я, стараясь говорить четко. — На фото есть ошибка.

Он усмехнулся. — Паранойя больной женщины. Ты видишь то, чего нет.

— У женщины часы слева. Я ношу их справа. И у мужчины пропал шрам на плече. Ты взял фотографию Димы?

Артур перестал постукивать. За его плечом Вероника сложила салфетку пополам, ещё пополам — и остановилась. Я только сейчас заметила, как часто она это делала, пока мы говорили.

— Я ещё с тобой о деталях должен спорить? — Он потянул фотографию из-под моей ладони. — Подпиши бумагу, Ева. Прямо сейчас. Или я звоню адвокатам и подаю заявление о принудительной госпитализации в клинику для лечения психических расстройств. С диагнозом «бредовое расстройство». После такого диагноза ты не сможешь управлять даже киоском с шаурмой, не то что сетью кофеен.

Я представила закрытую дверь палаты и телефон в его кармане. Снова просить у него разрешения позвонить. Доказывать врачу, что меня нельзя оставлять здесь.

Вероника потянулась к телефону. Я смотрела на её пальцы и не знала, блефуют ли они оба.

Я взяла ручку. Она была холодной.

Я вывела имя. Буквы не лезли в строку, пришлось сильнее прижать ручку: Ева Ковалевская. Моя подпись. Я же ставила её на аренде первой кофейни. Теперь ставлю здесь. Запомнить, что он сказал про клинику. Кто присутствовал. Как выглядел снимок. Юристу понадобится всё, но сперва мне надо выйти.

Я закончила подпись, но ручку пока не выпустила.

— Вкус я помню, Артур. Горечь помню. — Я положила ручку, чтобы он не видел, как она дрожит. — Ты можешь сколько угодно рассказывать про таблетки. Я помню, что ела.

Он уже убирал документы, пока я говорила. Повернул ключ в сейфе, бросил копию на край стола. Когда она соскользнула, мне пришлось ловить её самой.

— Молодец, что приняла верное решение, — сказал он, и в его голосе снова появилась фальшивая теплота. — Иди домой. Отдыхай. Я оплачу такси.

Встала я не сразу. Ногу будто отсидела, пришлось переступить на месте, прежде чем идти к двери. В зеркале увидела себя — даже помада исчезла с губ. А за своим плечом увидела Артура.

Он растирал пальцы левой руки. Красные, будто опухшие. Этой рукой придерживал тарелку на кухне. Я повернулась, чтобы рассмотреть, и он опустил руку под стол. Больше ничего увидеть не удалось.

Неужели сам коснулся того, что положили в крем? Проверить это я пока не могла.

Я подписала — и от этого хотелось плакать. Никакой красивой победы здесь не было. Но фотографию успела рассмотреть, салфетка оставалась у меня, а за дверью кабинета они уже не смогут подсовывать мне воду.

Я вышла из кабинета. Вероника пыталась поймать мой взгляд, но я прошла мимо нее, как сквозь призрак.

Солнце било по глазам, когда я вышла из здания офиса холдинга. За ступеньками курил водитель, у перехода сигналили. Я остановилась, пропуская всех, кто выходил следом. Я сунула руки в карман куртки, чтобы согреть пальцы. Кончики пальцев наткнулись на что-то мягкое.

Бумажная салфетка. Из больницы палаты. Та, которой я промокнула губы за ужином и которую нашла в кармане платья в больнице.

Я развернула ее. На желтоватой бумаге осталось пятно крема. Я поднесла салфетку к носу.

Горький миндаль. И под ним — дешевый синтетический цветочный аромат. Парфюм Вероники. Похожий на тот, что последние полгода стоял у нас в ванной. Артур называл его новым освежителем.

Она бывала в нашем доме? Или сама держала эту коробку? Я попыталась вспомнить, как давно появился тот флакон, но голова снова заболела.

Я сжала салфетку в кулак. Засохшие крошки хрустнули. Я тут же разжала пальцы: сама же испорчу то, что пытаюсь сохранить.

Я осторожно сложила салфетку пятном внутрь. В больнице у меня отняли даже возможность задать вопрос. Здесь я могла хотя бы вызвать такси сама.

Телефон снова был в моих руках. Я открыла контакты и нашла Ольгу Петровну: кому-то ещё в компании должно быть интересно, почему меня вычеркнули из управления.

Я поймала такси. Назвала адрес своей старой квартиры, где жила до замужества. Там не было ни Артура, ни Вероники. Там сохранился мой старый ноутбук и ключ от первой кофейни. Прежде всего надо проверить, что из этого ещё работает.

Машина тронулась. В зеркале заднего вида я видела здание офиса. Окно кабинета Артура было темным. Он остался там с моей подписью. От этой мысли я крепче прижала сумку к коленям.

Я ещё не знала, с чего начать. Но обратно к нему не поеду.

Глава 3

Я толкнула стеклянную дверь «Кофе & Ко» плечом — так делала три года, когда обе руки заняты. Дверь не подалась. Денис стоял за стеклом и смотрел на меня. Может, не узнал? Постучала. Он приоткрыл створку, но встал поперёк, и я сразу поняла: узнал.

— Ева Викторовна? — он произнёс моё имя и сразу посмотрел поверх плеча. — Приказ генерального директора. Вход запрещен.

Мои пальцы судорожно сжались на ремне сумки. Внутри лежала копия «бумаг для развода». Оригинал я вчера подписала под угрозами Артура. Нотариального оформления ещё не было. Мимо проходили сотрудники. Каждый видел папку у меня в руках и охранника, загордившего дверь. Хотелось спрятать хотя бы дрожащие пальцы.

— Денис, это я, — прошептала я, делая шаг ближе. — Ты же помогал мне ночью вешать вывеску. Помнишь, как её пришлось перевешивать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.